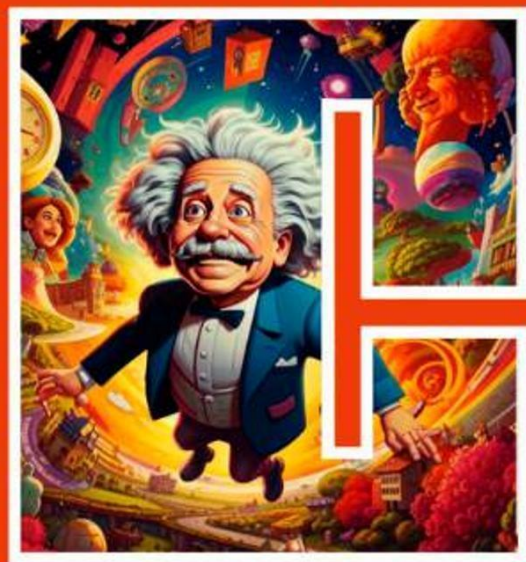
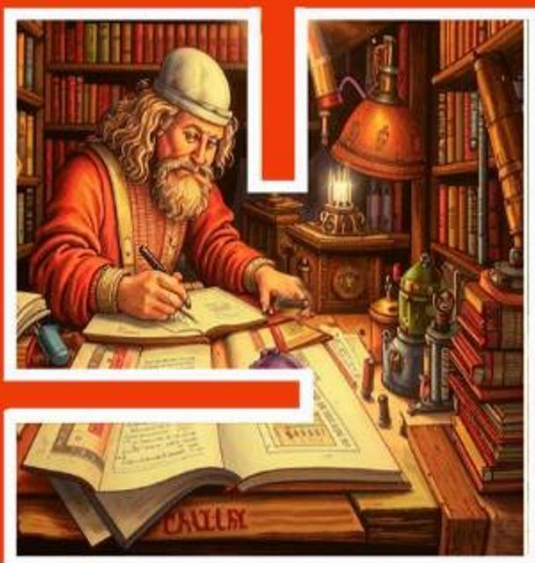

Александр и Елена Ольшанские

ОЧЕВИДНОЕ
НЕВЕРОЯТНОЕ

СМУФ

Александр Ольшанский
Очевидное невероятное

«Автор»

2026

Ольшанский А. И.

Очевидное невероятное / А. И. Ольшанский — «Автор»,
2026 — (СМУФ)

Команда СМУФ снова в деле! Чтобы избежать катастрофу, друзья мчатся сквозь время: к Эйнштейну, мечтающему догнать луч света; к темпераментному гению Тесле, играющему с молниями; к нестигаемой Скловской-Кюри, добывающей радий; и к Ленарду, чьи открытия обернулись мраком. Героев ждёт детективное расследование, где правда о связях великих учёных потрясёт их самих. Что объединяет этих гениев? Прыжок на Футе — и в погоню за истиной, скрытой за горизонтом событий! Панцирь, клюв и чешуя готовы защитить планету! Серия приключений команды СМУФ — это юмор, тайны истории, науки, искусства, музыки, экологии и даже супрематизм с биномом Ньютона. Всё — ярко, остроумно, без скучных назиданий. Можно читать с любой книги — самостоятельно или в семейном кругу. Возраст — от 5 до 100+ лет. А основные темы каждого путешествия легко понять по названию и картинкам на обложке. Это художественная литература и масштабный просветительский проект одновременно. Часть рисунков создана при помощи GPT image2.

Содержание

Глава 1. Сигнал из глубин времени	5
Глава 2. Европа пахнет древностью	8
Глава 3. Тайна патентного бюро	13
Глава 4. Милева. Тень и свет	18
Глава 5. Призраки эфира	23
Глава 6. Хроноблок и хаос	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Очевидное невероятное

Глава 1. Сигнал из глубин времени

Воздух в Забайкальской лаборатории «Планетарных проблем» был густым и тягучим, словно желе из света и тени, и пах озоном, жжёной изоляцией и терпким ароматом заваренного впроголодь чая. В этом хаосе проводов, мерцающих экранов и причудливых аппаратов, похожих на наследие забытой цивилизации, металась мохнатая фигура учёного енота Энштейнища. Его обычно безупречный халат был расстёгнут, очки съехали на самый кончик носа, а пушистый хвост нервно подрагивал, задевая стопки книг, грозя похоронить их под собой в мягком грохоте.

«Червяк! Квантовый, пространственно-временной червяк! – бормотал он, в бешенстве стуча лапой по одному из мониторов, где извивалась и рвалась алая спираль. – Да я тебя, паразит, на элементарные частицы разберу! Алиса, детка, прибавь-ка мощность антиэнтропийному стабилизатору! Нет, нет, левее, тот, что с зелёным глазком!»

На другом конце лаборатории, утопая в кресле с видом на бескрайнюю, подёрнутую утренней дымкой тайгу, сидела Алиса. Юная учёная, чей ум был столь же ярок и не обуздан, как и её рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, не отрывала взгляда от собственного планшета, испещрённого формулами.

«Дядя Энш, – её голос прозвучал удивительно спокойно на фоне его бури, – стабилизатор уже на пределе. Это не внешняя аномалия. Смотрите на осциллограф. Возмущение идёт изнутри континуума. Как будто... как будто кто-то в прошлом пытается переписать фундаментальные константы. Очень давно. И очень неумело».

Энштейнище замер, его блестящие глазки расширились. «Неумело? Детка, это гениально! Гениально и катастрофично! Представь, ребёнок с коробкой спичек в пороховом погребе истории. Одно неверное движение – и ба-бах! Вся наша реальность, вся цепь причинно-следственных связей... Фьють!» Он щёлкнул пальцами, и от этого звука по коже пробежали мурашки.

В этот момент из-под груды каких-то схем с радостным воплем вынырнула черепаха Сиф, стоя на своём верном скейтборде. «Ба-бах? Где ба-бах? Я готова! Футя уже соскучился по асфальту, вернее, по пространственно-временному тоннелю!» Её панцирь блестел под неоновым светом, а глаза сверкали азартом безумного гонщика.

С верхней полки, с грохотом опрокинув склянку с чем-то кисло пахнущим, слетел ворон Монетка. «Опять? – заворчал он, отряхивая крыло. – Опять этот енот хочет разнести Вселенную к чёртовой матери? Я только пристроил свою новую монетку, 1905 года, редчайший экземпляр, между прочим! А теперь, глядишь, и года такого не будет из-за его червяков квантовых!» Он сердито клевал Энштейнища в ботинок, но тот его не замечал.

Из рукава Алисы, пошипев, как разогретый утюг, высунулась голова ужа Ужастика в его неизменной шапочке с помпоном. «А можно я останусь? – прошипел он жалобно. – Меня в прошлом и так все утраивает... А вот будущего я боюсь! Не надо «ба-бахов»!

«Какие вы скучные, это невозможно! – огрызнулась Сиф, выполняя на месте сложный пируэт. – Если дядя Энш говорит «ба-бах» – значит, нам надо лететь и бабахать! В чём проблема-то, енотище?»

Энштейнище вздохнул, снял очки и принялся их нервно протирать. «Проблема, моя юная торпеда, в том, что кто-то пытается стереть Альберта Эйнштейна. Не физически, нет. Хуже. Стереть его гениальную ошибку!»

В лаборатории воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим гудением аппаратуры.

«Ошибку? – переспросила Алиса, нахмурившись. – Но разве ошибки – это плохо? Они же ведут к открытиям».

«В том-то и вся соль, светик мой! – воскликнул енот, снова водружая очки на нос. – Эта конкретная ошибка – космологическая постоянная – это краеугольный камень! Он отскочил и покатился не туда, но именно благодаря ему мы позже, гораздо позже, поняли про тёмную энергию, про расширение Вселенной! Если её убрать в самом зародыше... Вся история науки пойдёт по кривой дорожке. Тупиковой. И мы с вами, мои дорогие, в лучшем случае окажемся в мире, где паровые двигатели – последний писк технологий. А в худшем... в худшем нас просто не станет. Парадокс».

Монетка зловеще каркнул: «Слышали? Парадокс. Я не хочу быть парадоксом! Я хочу быть вороном с блестяшками в собственном гнезде! Этот мир так и намеревается разрушить мою идиллию, а я лишь вынужден этому противиться... Все наши ошибки — на самом деле тоже часть этой жизненной идиллии...»

«О-о, Моня, ты как всегда. Такому «душилиле» никакие парадоксы не грозят. — Сиф почесала лапкой затылок. — Так в чем наша задача...»

«Помочь совершить Эйнштейну свою ошибку?» — усмехнулся Ужастик.

«Не помочь, а проследить, чтобы ничто не вмешалось в естественный ход событий. Я так понимаю, вмешаться что-то хочет...» — подрезюмировал задумчивый ворон.

«Именно – Энштейнище оживился. – Вам нужно отправиться в начало двадцатого века. Найти молодого Эйнштейна, пока он ещё работает в патентном бюро и обдумывает свои великие мысли. И... обеспечить всё как надо. Чтобы он её таки ввёл, эту пресловутую константу, а потом, много лет спустя, назвал своим величайшим заблуждением!»

«Мы готовы, да?! – крикнула Сиф, уже готовая сворачивать горы. – Футя, ты слышишь? Швейцария, сыр, шоколад, часы с кукушкой!»

Легендарный скейт-трансформер Футя, стоявший в углу, тихо вздохнул синим светом своих панелей. Он был упакован последними разработками Энштейнища, и его внешний вид напоминал не столько спортивный снаряд, сколько артефакт из далёкого будущего. На его поверхности замигал новый, только что установленный хроноблок – сложная паутина светящихся жилок, сходящихся к пульсирующему синему кристаллу в центре.

«Хроноблок обновлён, но он... капризный, – предупредил Энштейнище, подходя к Футе. – Переходы могут быть рывками, возможны временные скачки, наложения эпох. Я не успел его как следует обкатать. Алиса будет помогать вам дистанционно, через голографический проек-

тор. Я останусь тут, на своём пороховом погребке, следить, чтобы всё не рвануло раньше времени».

Алиса встала и подошла к команде. Её лицо было серьёзным. «Будьте осторожны. Вы не просто наблюдатели. Вы – та незаметная сила, которая должна сохранить хрупкое равновесие истории. Помните, любое ваше действие может иметь последствия».

«Не волнуйся, Алис! – Сиф уверенно стукнула лапой по деке Фути. – Команда СМУФ на месте разберётся! Спасали сайгаков – справимся и с ошибками Альберта».

«Не просто «ошибками»! – взъерошился Энштейнище. – Это же Эйнштейн! Гений! Вы спасаете все его открытия!»

«Ну, мы его поднатаскаем, – невозмутимо заявила Сиф. – Моня, Ужастик, занимайте места! Запускаем перемещение!»

Монетка, ворча, устроился на задней подвеске Фути, крепко ухватившись клювом за край. Ужастик, обмотав хвостом специальный поручень и намертво зажмурившись, прошипел: «Только чтобы без саблезубых котов...»

Алиса сверила все данные на больших мониторах и уверенно кивнула команде. «Готовы. Даю обратный отсчёт. Пять... четыре...»

Энштейнище что-то быстро настраивал на главном пульте. «Держитесь, ребята! И... постарайтесь не сломать время окончательно!»

«...три... два... один!»

Хроноблок Фути вспыхнул ослепительным синим светом. Лаборатория, аппаратура, взволнованное лицо Энштейнища – всё поплыло, расплзлось мазками, как акварель под дождём. Мир превратился в вихрь огней и звуков, закручивающуюся воронку из обрывков мелодий, запахов и голосов. Свист ветра в ушах сменился гулом моторов, потом звоном колоколов, потом полной, оглушительной тишиной.

И сквозь этот хаос прорвался полный ужаса голос Монетки: «Я... я потерял монетку! 1905 года!»

А потом всё рухнуло.

Глава 2. Европа пахнет древностью

Первым ощущением был запах. Тяжёлый, насыщенный, незнакомый коктейль из конского навоза, угольной гари, свежеструганного дерева и чего-то сладковатого – то ли варящегося повидла, то ли цветущих лип. Воздух был прохладным и влажным, он обжигал лёгкие своей непривычной чистотой, лишённой техногенного привкуса двадцать первого века.

Сиф открыла глаза первой. Она по-прежнему стояла на Футе, вцепившись в него всеми лапами. Они находились в узком, мощёным булыжником переулке. Высокие, с остроконечными черепичными крышами дома теснились по обеим сторонам, их фасады были выкрашены в пастельные тона и кое-где облуплены, обнажая кирпичную кладку. Где-то вдали слышался мерный цокот копыт и скрип колёс.

«Приехали, – констатировала она, делая небольшую разминку на доске. – Ну, Европа. Пахнет... древностью».

«Древностью? – раздался жалобный стон сзади. – Это пахнет ямой выгребной! О, ужас! Мой помпон! Он в чём-то липком!» Ужастик, бледный как полотно, пытался отцепить хвост от поручня и одновременно стряхнуть с шапочки нечто бурое и подозрительное.

Монетка, отряхивая перья, с мрачным видом озирался. «Берн. Швейцария. Начало двадцатого века. Точность попадания, надо признать, впечатляет. Жаль, что попадать пришлось в эту... эту ароматную лужу прогресса». Он с отвращением стряхнул с лапки прилипший окуроч.

Футя стоял неподвижно. Свет его панелей померк, лишь хроноблок тихо потрескивал, испуская ленивые фиолетовые искры. Голографическая проекция Алисы помигивала, искажаясь помехами.

«...приём... команда, вы меня слышите? Футя, диагностика!» – голос Алисы звучал прерывисто, будто доносясь сквозь толщу воды.

«Слышим, слышим! – крикнула Сиф. – Но наш транспорт, кажется, немного... приуныл».

«Хроноблок перегружен, – доложила Алиса, её изображение на мгновение стало чётче. – Скачок был слишком резким. Нужно время на перекалибровку. Эйнштейнище говорит, что это последствия той самой аномалии. Временная ткань здесь истончена и нестабильна. Вы в 1902 году. Эйнштейн должен работать в патентном бюро на улице... погодите, я сверюсь с картой... на улице Шпитальгассе».

В этот момент из-за угла с грохотом выкатилась огромная, запряжённая парой лошадей повозка. Возница, угрюмый детина в кепке, что-то крикнул на непонятном языке и щёлкнул кнутом. Ужастик, завизжав от страха, рванулся с места и запутался завязками своей шапки в выступающем кронштейне фонаря.

«Дорогу! Дайте дорогу ужу в беде!» – панически шипел он, болтаясь в воздухе.

Сиф, не долго думая, оттолкнулась и на всём ходу пронеслась под самой мордой удивлённой лошади, в последний момент увернувшись от колеса. Возница от неожиданности откинулся назад, и повозка, качнувшись, промчалась мимо.

«Вот видишь, – сказала Сиф, возвращаясь к товарищам и ловко распутывая узлы на шапочке Ужастика. – Главное – не паниковать. И не терять хватку. Моня, ты в каком состоянии?»

Монетка, отлетевший к стене дома от внезапного манёвра, с трудом поднялся. «В состоянии глубочайшего морального и физического возмущения! – проворчал он. – Меня чуть не раздавило средством передвижения этого каменного века! И вообще, ради чего мне опасаться таких инцидентов, если я потерял монету 1905 года?!»

«Найдёшь другую. Блестяшек тут, гляжу, полно, – Сиф указала лапкой на мостовую, там кое-где поблёскивали старые гвозди и оброненные монетки. – Сначала найдём нашего гения. Алиса, веди!»

Голограмма Алисы, мерцая, поплыла вперёд, указывая путь. Команда двинулась за ней, привлекая недоумённые взгляды редких прохожих. Сиф лихо катила на Футе,

объезжая лужи и конские кучки, Монетка летел чуть поодаль, с подозрением озираясь на голубей, а Ужастик, стараясь быть незамеченным, полз в тени домов, всё ещё нервно поёживаясь.

Они вышли на широкую улицу, заполненную людьми. Дамы в длинных платьях и с зонтиками, господа в котелках и с тростями, мальчишки-газетчики, выкрикивающие сенсационные заголовки. Воздух гудел от голосов, смеха, звонков трамваев – тех самых, на конной тяге.

«Ничего себе! – прошептала Сиф, заворожённо глядя на эту ожившую картину из школьного учебника. – Как будто в кино попали. Только вот... пахнет покрепче».

«И шумят громче, – добавил Монетка, садясь ей на панцирь. – Какое варварство! Никакого уважения к тишине!»

Алиса остановилась перед солидным зданием с вывеской «Eidgenössisches Amt für Geistiges Eigentum» – Федеральное ведомство интеллектуальной собственности.

«Вот оно. Патентное бюро. Согласно данным, Эйнштейн работает на втором этаже. Но нам нужно найти способ подняться туда незаметно».

В этот момент Футя снова издал тревожный щелчок, и его панели погасли окончательно. Голограмма Алисы дрогнула и исчезла, оставив в воздухе лишь легкое синее свечение.

«Ну вот, – сокрушённо вздохнул Монетка. – Остались одни. В прошлом. Без связи. С черепахой на колёсиках и змеей в загаженной шапке. Великолепно».

«Не раскисай! – приободрила его Сиф. – Это же приключение! Смотри-ка, кто это там?»

Из подъезда патентного бюро вышел молодой человек. Он был худощав, с пышной шевелюрой тёмных волок и большими, задумчивыми глазами, в которых словно плавали отражения далёких звёзд. Он что-то бормотал себе под нос, на ходу закуривая трубку, и шёл, не глядя под ноги, абсолютно погружённый в свои мысли.

«Сто процентов он, – уверенно сказала Сиф. – Видала глаза? Горят! Поехали за ним!»

Они двинулись следом, стараясь быть незаметными. Альберт Эйнштейн шёл быстро, его длинный плащ развевался. Он не замечал никого вокруг, временами останавливаясь, чтобы что-то записать в маленький блокнотик.

Внезапно он резко свернул в какой-то переулок и скрылся из виду. Сиф рванула за ним, но на повороте Футя зацепился колесом за торчащий из мостовой камень, и черепаха с размаху шлёпнулась в очередную, на этот раз особенно ароматную, лужу.

Пока она выбиралась, отряхиваясь и выражаясь на языке, больше подходящем для скейт-парка, чем для тихих швейцарских улочек, Монетка, летевший выше, каркнул: «Он зашёл в кафе! Туда, за углом! «Кафе Террасс»!»

Минуту спустя, мокрая, немного вонючая, но полная энтузиазма, команда подобралась к большому окну кафе. Внутри, за столиком, сидел Эйнштейн. Перед ним стояла чашка кофе и лежала стопка бумаг. Он что-то яростно чертил от руки, не обращая внимания на весь мир.

«Отлично, – прошептала Сиф. – Наблюдаем за объектом. Теперь надо...»

Она не договорила. Внезапно Футя, стоявший рядом, снова ожил. Хроноблок вспыхнул ослепительно-белым светом, заливая всё вокруг сиянием. Из его центра ударил тонкий луч энергии, который на мгновение упёрся прямо в лоб Эйнштейну.

Тот поднял голову, на мгновение его взгляд стал остекленевшим, отрешённым. Он потянулся к бумаге, и его рука сама собой вывела странный, сложный символ, которого не могло быть в его арсенале – схематичное изображение временной петли.

А потом луч погас. Футя снова стал обычным скейтом. Эйнштейн покачал головой, словно стряхивая наваждение, и с недоумением посмотрел на нарисованное.

В тот же миг в эфире с помехами прорезался голос Алисы: «...повторяю, экстренное отключение! Хроноблок самопроизвольно активировал сканер! Он... он считал его мозговые волны и что-то ему передал! Команда, что вы натворили?!»

Сиф, Монетка и Ужастик переглянулись.

«Мы? – обиженно прошипел Ужастик. – Мы тут в лужах все извалялись, ещё и в чем-то «виноватят»! Это твой Футя взбесился!»

«Неважно, – решительно заявила Сиф, вставая на доску. – Раз уж начали вмешиваться, так вмешаемся «по полной»! Надо выяснить, что он ему такого передал. Может, инструкцию по сборке атомной бомбы? Или рецепт идеальных сырников?»

«Сиф, нет! – завопил Монетка. – Алиса говорила – никаких резких движений! Всё имеет последствия!»

Но было поздно. Черепаха уже на полном ходу неслась ко входу в кафе, оставляя за собой лишь брызги из лужи и отчаянный шипенье ужа. Приключение началось. И, как всегда у команды СМУФ, началось оно с самого неожиданного и непредсказуемого виража.

Глава 3. Тайна патентного бюро

Дверь в «Кафе Террасс» с лёгким звяканьем колокольчика распахнулась, впуская внутрь не столько посетителей, сколько вихрь из уличной пыли, запаха лошадей и совершенно неукротимой энергии черепахи на скейтборде. Сиф вкатилась в зал с таким видом, будто она здесь регулярно заказывает эспрессо, и тут же замерла, ослеплённая царящим внутри полумраком и сбитая с толку густым, сладковатым ароматом кофе, табака и свежей выпечки.

За столиками, погружённые в негромкие беседы или в чтение газет, сидели господа в строгих костюмах и дамы в кружевах. На секунду в зале воцарилась тишина, нарушаемая лишь шипением парового аппарата за стойкой. Все взоры устремились на нелепую группу: мокрую черепаху на доске, ворона, с размаху врезавшегося в абажур люстры, и ужа, который, зажмурившись, вполз следом, надеясь остаться незамеченным.

Эйнштейн, сидевший в углу, даже не поднял головы от своей бумажки, на которой он теперь с ожесточением выводил какие-то формулы, стараясь понять происхождение внезапно вспыхнувшей в сознании идеи.

«Монечка! С потолка слезай! – прошипела Сиф, стараясь говорить шёпотом, что у неё получалось как громкий скрип несмазанных колёс. – Ты всем внимание на себя обратил!»

«Я?! – возмущённо каркнул ворон, с трудом высвобождая клюв из захвата шелкового абажура. – Это твой лихой заезд, испачкавший пол, всех ошарашил! Ах, какой позор! Меня, аристократа воздушных пространств, видели в таком неприглядном виде!»

Ужастик, тем временем, пополз к самому тёмному углу, надеясь слиться с узором на ковре. «Только бы никто не наступил... только бы не наступил...» – бормотал он, завязки его шапочки безнадёжно запутались в бахромке скатерти.

Сиф, видя, что Эйнштейн всё ещё в их власти, решила действовать. Она подкатила к его столику и, сделав виртуозный разворот на задних колёсах, устроилась поудобнее.

«Эйнштейн, здравствуйте! Чё как, гений? – спросила она радостно, не веря собственным глазам. – Над чем думаете? Пространство-время искривляем или только чай остываем?»

Эйнштейн медленно поднял на неё свои огромные, полные недоумения глаза. Он посмотрел на черепаху, на скейт, на ворона, теперь сидевшего у него на плече и с интересом разглядывавшего его записочки, потом на жалобно шипящего из-под стола ужа. Ни тени удивления или испуга не мелькнуло на его лице. Он лишь слегка поморщился.

«Вы, должно быть, из цирка, – предположил он на ломаном немецком, но с таким акцентом, что Футя с трудом перевёл его слова для команды. – Дрессированные животные. Очень мило. Но я сейчас занят. Мой мозг... он поймал нечто. Как молния. Но куда она ударила, я пока не понимаю».

«Мы не из цирка! – обиделся Монетка, дернув его за прядь волос. – Мы... мы инспекция из будущего! Проверить, как вы тут управляетесь со своими замечательными теориями».

Эйнштейн улыбнулся, словно ребёнку, сказавшему что-то забавное. «Будущее? Интересная гипотеза. Но, простите, оно, по всей видимости, плохо пахнет». Он потер переносицу, снова погружаясь в свои вычисления.

В этот момент голографическая проекция Алисы, с трудом пробиваясь сквозь помехи, возникла над центром стола, вызвав лёгкий ажиотаж среди посетителей. Кто-то принялся тереть очки, кто-то решил, что перебрал с коньяком.

«Команда, что вы творите?! – её голос звучал строго, но с оттенком паники. – Вы на виду! Немедленно ретируйтесь! И... что это он нарисовал?»

Эйнштейн, увидев голограмму, наконец выказал признаки живого интереса. Он потянулся к проекции, пытаясь коснуться её руки. «О! Фосфены? Или новый вид телеграфа? Очень изящно».

«Уважаемый Альберт, послушайте меня, – заговорила Алиса, стараясь звучать убедительно. – То, что вы нарисовали... это не ваша мысль. Это вмешательство извне. Пожалуйста, забудьте это».

Но было поздно. Взор гения уже загорелся новым огнём. «Забыть? Но это же гениально! Смотрите: если представить время не как прямую, а как петлю... как спираль... тогда константа... космологическая постоянная... она не ошибка, а необходимость! Но для чего?» Он снова схватился за карандаш.

Сиф поняла, что терять больше нечего. «Слушайте, Альберт, мы потом всё вам объясним. А пока... куда нам тут спрятаться? А то народ глазеть начинает».

Эйнштейн, не отрываясь от салфетки, мотнул головой в сторону выхода. «Патентное бюро. Мой кабинет. Там тихо. И пахнет лучше». С этими словами он встал, бросил на стол несколько монет и, не оглядываясь, направился к выходу, продолжая бормотать что-то о кривизне пространства.

Команда, обменявшись взглядами, рванула за ним. Им пришлось несладко: Сиф лихо объезжала столики и ноги официантов, Монетка летел в кильватере, оглушительно каркая «С дороги, мешчане!», а Ужастик, отчаявшись распутаться, попросту оторвал бахромую скатерти и, подхваченный Сиф, понёсся как шлейф.

Через несколько минут они уже были в здании патентного бюро. Эйнштейн, действуя на автомате, поднялся на второй этаж и открыл дверь в небольшую, заваленную бумагами комнату. Видно было, что тут действительно регулярно ведётся тяжёлый умственный труд.

«Вот, – сказал он, разваливаясь в кресле за своим столом. – Мой скромный форпост в борьбе с глупостью. Выкладывайтесь. Кто вы? И главное – откуда... эта идея?»

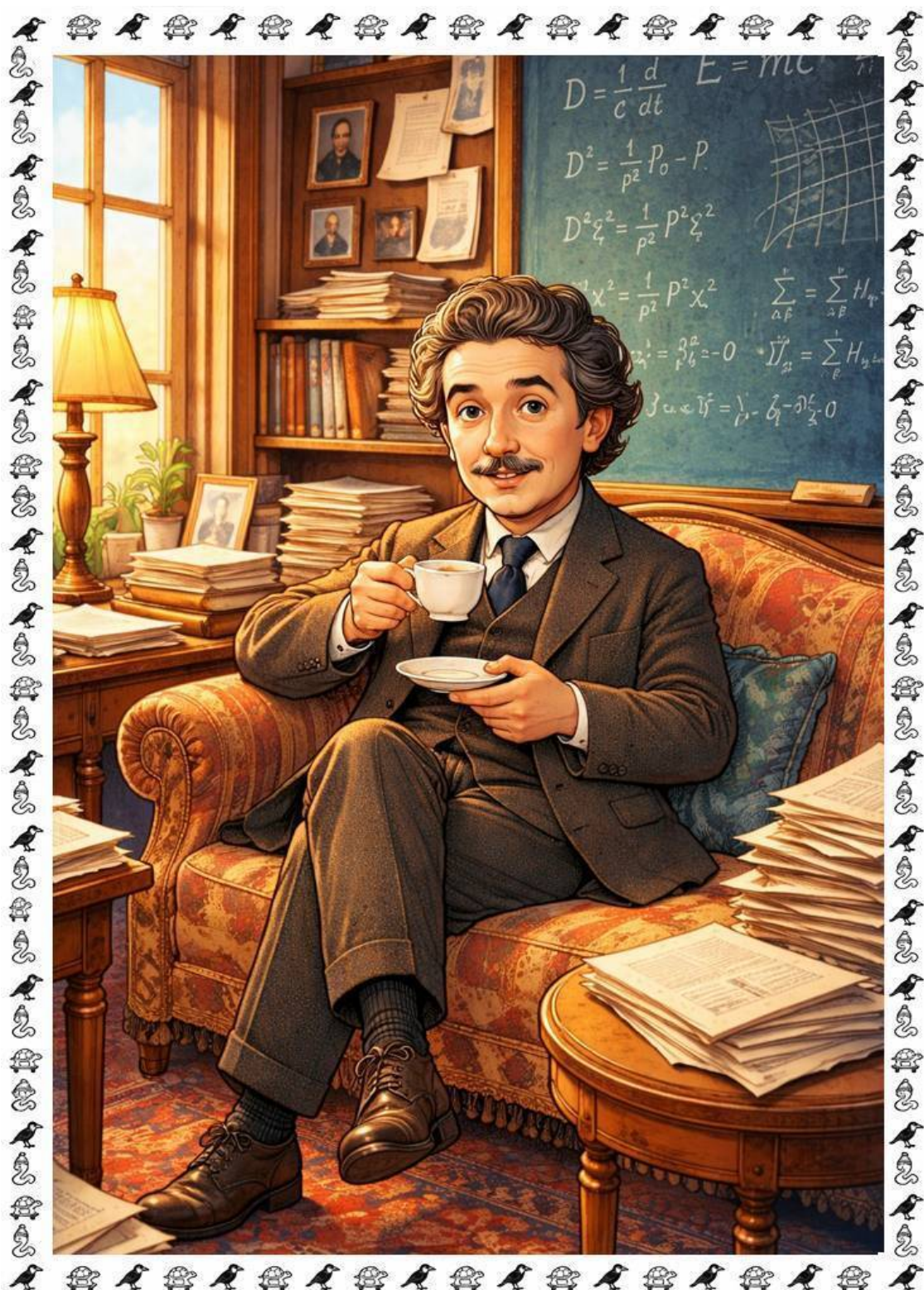
Прежде чем кто-то успел ответить, Монетка, чьё внимание уже целиком поглотили блестящие канцелярские принадлежности на столе, с возгласом «О, смотрите-ка!» клюнул массивный латунный пресс-папье. Тот с грохотом упал на пол, задев ножку стола, с которого посыпались стопки патентных заявок. Одна из них, раскрывшись, показала сложный чертёж какого-то механического устройства.

«Монечка! – взывала Сиф. – Ну ты и вандал!»

Но Эйнштейн, казалось, и этого не заметил. Его взгляд упал на чертёж. «А... вечный двигатель. Сто двадцатый на этой неделе. Грустное зрелище. Люди тратят силы на невозможное, вместо того чтобы понять законы возможного». Он вздохнул и обернулся к голограмме Алисы, которая, мигая, парила в центре комнаты. «Вы говорили о вмешательстве. Объясните».

Алиса, видя, что скрывать бесполезно, кратко изложила ситуацию: аномалия, угроза временному континууму, его роль и его ошибка, которая ошибкой не является.

Эйнштейн слушал, не перебивая, его лицо выражало самое живое любопытство. Когда она закончила, он расхохотался. «Вот это да! Моя ошибка спасает Вселенную! Это прекрасно! Поистине, Господь изощрён, но не злонамерен. Хотя... – он понизил голос, – вы уверены, что это именно я её совершил? А не кто-то другой?»

В этот момент Ужастик, наконец распутавшийся, высунулся из-под стола. «Мы-то уверены! Нам енот наш учёный всё объяснил. А вы тут сидите, чужие патенты рассматриваете, и... э-э-э... воруете идеи! Что за работа такая?» – выпалил он первое, что пришло в голову, стараясь звучать грозно, но вышло лишь жалобное шипение.

На лице Эйнштейна появилось выражение глубокого недоумения, сменившегося затем искренним весельем. «Ворую? Идеи? Милый мой змей, вы, по всей видимости, путаете изобретения и научные открытия. Вот смотрите». Он поднял с пола одну из бумаг. «Это – патент на усовершенствованный клапан для парового двигателя. Изобретение. Его можно пощупать, запатентовать, продать. А вот... – он ткнул пальцем в свою исписанную бумажку. – Это – мысль о природе времени. Открытие. Его нельзя запатентовать. Его можно только понять и разделить с другими. Я здесь как раз для того, чтобы отделять зёрна от плевел. Смотреть, не нарушает ли эта новая мясорубка законов физики, а не выискивать, что бы такое стащить. Это скучнейшая работа, но она... – он задумался, – она учит ясности мысли. Заставляет формулировать критику чётко и понятно. Возможно, именно это мне и было нужно».

Сиф, слушая его, медленно проехала вдоль стола, разглядывая макеты странных устройств, стоявших на полках. «Значит, вы тут не воруете, а, наоборот, другим мозги вправляете? Ну, тогда ладно. Извините, мы думали вы... немного корыстнее. Это странная работа для учёного».

«Всё в порядке, – улыбнулся Эйнштейн. – Ваша прямолинейность даже приятна. Не люблю, когда говорят за спиной. Так что же получается? Мне нужно будет ввести эту константу, но потом назвать её ошибкой, и тогда всё будет хорошо?»

«Именно! – обрадовалась Сиф. – Совершайте ошибку, и будьте героем!»

Внезапно Футя, прислонённый к стене, снова издал тревожный щелчок. Хроноблок вспыхнул, и голограмма Алисы стала резко мерцать. «Помехи... сильные помехи! – её голос исказился. – Кажется, кто-то ещё пытается вмешаться в этот временной пласт! Будьте осторожны!»

Дверь в кабинет с скрипом отворилась. На пороге стоял сухощавый человек в идеально отглаженном костюме, с холодными глазами и тонкими, поджатыми губами. Его взгляд скользнул по комнате, задержался на голограмме, на черепахе со скейтом, на вороне на плече у Эйнштейна, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

«Господин Эйнштейн, – произнёс он ледяным тоном. – Я слышал шум. У вас... гости?»

Команда СМУФ замерла. Даже Сиф поняла, что этот человек – не тот, перед кем можно лихо проехать на скейте.

Глава 4. Милева. Тень и свет

Ледяная тишина, воцарившаяся в кабинете, длилась, казалось, вечность. Незнакомец стоял в дверях, его холодный, лишённый всякого любопытства взгляд скользил по беспорядку, по странным существам, по голограмме Алисы, которая, мерцая, медленно таяла в воздухе, не выдержав его появления.

Эйнштейн первым оправился от неловкости. Он поднялся из-за стола с той самой обаятельной, немного смущённой улыбкой, которая, должно быть, в будущем сможет разоружать многих.

«А, господин Цубербулер! – воскликнул он. – Как раз кстати! Вы всегда говорили, что мои идеи слишком оторваны от реальности. Позвольте представить вам... э-э... наглядное пособие! Да-да! Это новые модели из Цюрихского политехникума. Механо-кибернетические животные. Для демонстрации принципов... кинематики! Вот, например, черепаха-скейтбордистка. Обратите внимание на сцепление колёс с поверхностью!»

Сиф, недолго думая, бодро прокатилась по комнате, сделала «олли» через упавшую стопку бумаг и замерла в эффектной позе. «Вот именно! Кинематика и всё такое! Приветствую!»

Монетка, не желая отставать, каркнул: «А я – модель ворона-собирателя! Демонстрирую принцип притяжения блестящих предметов!» – и тут же уронил в карман Эйнштейна его же собственный латунный пенал.

Цубербулер медленно, с явным недоверием обвёл взглядом компанию. Его взгляд на мгновение задержался на Ужастике, который, дрожа от страха, изображал из себя брелок для ключей, безнадежно пытаясь обвить ручку шкафа.

«Политехникум? – переспросил он, и в его голосе послышались стальные нотки. – У них, насколько мне известно, нет финансирования на подобные... курьёзы. И потом, откуда эта... световая проекция?» Он указал на почти исчезнувшую фигуру Алисы.

«Новая технология! – не сдавался Эйнштейн. – Беспроводная передача изображения. Очень перспективно. Я как раз составляю докладную записку». Он с надеждой посмотрел на Сиф, которая лишь пожала лапками – мол, я черепаха, что с меня взять.

К счастью, в этот момент ситуацию спасла новая помеха. Футя снова дёрнулся, и хроноблок испустил очередную фиолетовую искру. На этот раз она ударила в настольную лампу, которая замигала, как новогодняя гирлянда. Цубербулер, человек очевидно суеверный, отшатнулся.

«Ваша комната, Эйнштейн, – произнёс он с отвращением, – это рассадник хаоса и дурного вкуса. Приберитесь. И чтобы эти... механизмы... исчезли. Патентное бюро – не зверинец». С этими словами он развернулся и вышел, громко хлопнув дверью.

Выдохнули все разом. Ужастик разжал хватку и с тихим стуком упал на пол. Монетка вытащил из кармана пенал и небрежно бросил его на стол. «Каков тип! Словно проглотил линейку!»

«Господин Цубербулер – мой непосредственный начальник, – вздохнул Эйнштейн, снова плюхаясь в кресло. – Человек безупречный, как швейцарские часы, и столь же бездушный. Он терпеть не может беспорядка. А в моей жизни, – он с улыбкой обвёл взглядом свой кабинет, – беспорядок, кажется, фундаментальная константа».

«Со своей константой пора бы разобраться, – ответил Монетка. – А нам бы найти место поукромнее. А то ваш начальник ещё вернётся с дезинсекторами».

Эйнштейн почесал затылок. «Есть одно место. Но нужно дождаться темноты. А пока... мы должны быть голодны. Пойдёмте ко мне. Познакомлю вас с... с моей Милевой».

Команда снова обменялась встревоженными взглядами. Идти в гости к гению – это одно. Но встреча с его женой, той самой, которую в будущем назовут соавтором, от которой он уйдёт... это была ещё одна история, покрытая мифами и сомнениями.

С наступлением сумерек они покинули патентное бюро, крадучись, как группа заговорщиков. Эйнштейн шёл впереди, погружённый в свои мысли, временами останавливаясь, чтобы что-то записать. Сиф катилась рядом, ловко объезжая уличные неровности. Монетка летел на высоте второго этажа, выполняя роль воздушного наблюдателя. Ужастик устроился на хвосте у Сиф, нервно озираясь по сторонам.

Они шли недолго и вскоре остановились у скромного многоквартирного дома. Эйнштейн поднялся на второй этаж и открыл дверь ключом.

В квартире пахло совсем иначе, чем в его кабинете. Пахло едой, домашним уютом, свежeweымытыми полами и лёгким, едва уловимым ароматом духов. В небольшой гостиной, за столом, под абажуром с бахромой, сидела женщина. Она что-то внимательно читала, её тёмные волосы были убраны в строгую причёску, а на лице лежала печать глубокой, сосредоточенной мысли. Это была Милева Марич.

Услышав скрип двери, она подняла глаза. И в этих глазах Сиф сразу увидела то, чего не хватало её мужу: практическую хватку, трезвость ума, собранность. Но и лёгкую, едва проступающую усталость.

«Альберт, ты опять забыл купить хлеб, – сказала она мягким, но твёрдым голосом. И тут же заметила его спутников. Её брови поползли вверх. – И... привёл гостей?»

Эйнштейн смущённо заёрзал на месте. «Милева, дорогая, это... это коллеги. Из-за границы. С очень необычным визитом».

Милева медленно положила книгу. Её взгляд скользнул по Сиф, по Монетке, устроившемуся на спинке стула, по Ужастик, который попытался спрятаться за ножкой стола. Ни тени удивления или испуга. Лишь лёгкое недоумение и... интерес.

«Коллеги? – переспросила она. – Похоже, зоопарк объявил забастовку и интеллектуалы вышли на улицы. Садитесь, пожалуйста. Альберт, поставь чайник».

Команда неуверенно расположилась на полу – мебель явно не была рассчитана на таких визитёров. Милева наблюдала за ними с спокойной, изучающей улыбкой.

«Так, – начала она, когда Эйнштейн скрылся на кухне. – Давайте без его фантазий. Кто вы на самом деле и зачем пришли?»

Сиф, видя, что врать бесполезно, коротко изложила суть: будущее, временные аномалии, миссия по спасению реальности. Милева слушала, не перебивая, лишь изредка кивая. Когда Сиф закончила, она задумалась.

«Временные парадоксы... – проговорила она наконец. – Теоретически это возможно, если допустить... – она вдруг оборвала себя и махнула рукой. – Неважно. Значит, вы здесь, чтобы помочь Альберту? Чтобы он не свернул с пути? Или... Его не столкнуло с него?»

«Ну, типа того» – подтвердила Сиф.

«Мы попытаемся сделать всё возможное, будьте уверены. Только пока не совсем понятно, что есть возможное!...» — стал рассуждать Монетка, прогуливаясь по спинке деревянного стула.

«Говорят, вы ведь сильно помогали Альберту? С теориями там, с вычислениями...» — поинтересовалась Сиф, разглядывая собеседницу.

На лице Милевы мелькнула тень грусти. «Говорят? В будущем так говорят? — она горько усмехнулась. — Нет, милая черепаха. Я не помогала ему с теориями. Я помогала ему жить. Готовила еду, штопала носки, выслушивала его бесконечные монологи посреди ночи, когда он вскакивал с криком «Эврика!». Я была его звукоотражающей стеной. Его тылом. А теории... — она взмахнула рукой в сторону кухни, откуда доносился звон посуды и бормотание, — они рождались здесь. В его голове. У меня не было такой... такой смелости мысли. У меня был трезвый ум. Я могла найти ошибку в его вычислениях. Указать на слабое место в логике. Но зажечь факел... это был его дар».

В дверях появился Эйнштейн с подносом, на котором стоял чайник и несколько чашек. «Я слышал, вы говорите о факелах? — весело спросил он. — Я как раз думаю о фотонном эффекте. Представьте, частицы света...»

«Альберт, как же чай, — мягко, но решительно остановила его Милева. — Гости хотят пить, а не слушать твои гипотезы — усмехнулась она».

Эйнштейн послушно разлил чай. Команда пила молча, погружённая в свои мысли. Сиф смотрела на Милеву с новым уважением. Эта женщина не была тенью. Она была скалой, о которую разбивались житейские бури, позволяя гению парить в облаках.

«А вы не жалеете? — не удержался Монетка. — Вот сидите вы тут, вместе пьете чай, вместе думаете. Он... он потом знаменитым станет. А вас забудут».

Милева улыбнулась своей грустной улыбкой. «Забудут? Возможно. Но я знаю, что вложила в его успех частицу себя. Веру. Терпение. Любовь. Разве этого мало? Иногда самая важная работа — это не та, что видна миру». Она посмотрела на Эйнштейна, который, уставившись в стену, снова что-то бормотал, явно забыв о чае и о гостях. В её взгляде была нежность и покорность.

Внезапно Футя, прислонённый к стене в прихожей, снова подал признаки жизни. Хроноблок замигал тревожным красным светом. Из него вырвалась слабая, прерывающаяся голограмма Алисы.

«...Команда, где вы?...Тревога! Аномалия усиливается! Источник... источник рядом! Будьте... осторож...» — голос оборвался, и проекция погасла.

В тот же миг в квартире погас свет. В полной темноте послышалось злобное, едва слышное шипение. И чей-то холодный, скользкий голос прошептал прямо в ухо Сиф:

«Уходите отсюда. Он принадлежит нам».

Глава 5. Призраки эфира

Тьма в квартире Эйнштейнов была не просто отсутствием света. Она была густой, живой, враждебной. Она обволакивала, давила, и из её глубин доносилось то самое злобное шипение, от которого кровь стыла в жилах даже у горячей Сиф.

«Кто здесь?!» – крикнула она, вскакивая на свой скейт и принимая боевую стойку. Её голос прозвучал глухо, будто поглощённый ватой.

В ответ раздался лишь тихий, маслянистый смешок, и на миг в воздухе мелькнули два бледно-зелёных, фосфоресцирующих глаза, тут же растаявшие во мраке.

Ужастик, не помня себя от ужаса, свился в тугой клубок и замер, надеясь, что его примут за дурацкую брошенную шапку с помпоном. Монетка с громким карканьем взметнулся к потолку, ударился о люстру с вензелями и с проклятием рухнул вниз, прямо на стол с чайными чашками, которые зазвенели жалобным хоралом.

Вспыхнул свет.

Эйнштейн стоял у выключателя. Его лицо было спокойным, даже задумчивым. Он смотрел на пустой угол, откуда доносилось шипение.

«Любопытно, – проговорил он. – Зрительная галлюцинация на фоне переутомления? Или же проявление тех самых временных помех, о которых вы говорили?»

Милева, не дрогнув, поправила скатерть. «Альберт, тебе не показалось. Я тоже видела. Но...». Она посмотрела на команду. «Кто это? Ваш враг?»

«Похоже на то, – прошипела Сиф, медленно вращаясь на месте, чтобы не пропустить новую атаку. – Алиса предупреждала. Кто-то пытается помешать нам. И ему, видимо, не нравится, что мы тут чаёвничаем».

Футя у порога тихо потрескивал. Красный свет хроноблока погас, сменившись на привычный, успокаивающий синий. Угроза, казалось, миновала. Но ощущение тяжести, гнетущей тревоги, осталось.

«Ну, раз уж всё равно все оживлены и напуганы, – заявил Эйнштейн, снова наливая себе чаю, – может, продолжим нашу беседу? О моей теории и... Об ошибке... Это невероятно интригует! Простите, да, я иногда отвлекаюсь!»

Он прыгуче уселся в кресло, как ребёнок, будто ему не терпится погрузиться вновь в мир своих размышлений и теорий. Команда СМУФ, всё ещё нервно озираясь, собралась вокруг него.

Главное — чтобы всё шло своим чередом. Друзья пытались держать в головах эту свою задачу, чувствуя фантомное присутствие их врага-незнакомца.

Они говорили о пространстве-времени, о том, что оно не абсолютно, о скорости света. Эйнштейн впивался всё в новые и новые мысли, временами вскакивая и принимаясь расхажи-

вать по комнате, вскрикивая «Так! Значит, так!» и что-то быстро записывая на салфетках с обеденного стола, так как бумаги под рукой не оказалось.

Монетка, придя в себя, важно поддакивал: «Ну да, ну да, общеизвестные факты!» – хотя сам с трудом понимал, о чём идёт речь. Ужастик же просто следил за дверью, готовый в любой момент зашипеть тревогу.

Вдруг Эйнштейн остановился как вкопанный. «Но это... это же брезово! – воскликнул он. – Это противоречит Ньютону! Эфир... куда же мы денем эфир?»

«Какой ещё эфир? – насторожилась Сиф. – Вы про ту штуку, на которой раньше телефоны работали?»

Эйнштейн засмеялся. «Нет, моя дорогая кибер-черепаха! Эфир – это гипотетическая всепроникающая среда, в которой распространяются электромагнитные волны. Как звук в воздухе. Все это знают! Лоренц, Пуанкаре... все ведущие умы! Без эфира никак!»

И тут Сиф допустила... ошибку. Свою. Желая блеснуть эрудицией, она выпалила: «Да бросьте вы! Какой эфир? Его же нет! Вы сами это потом докажете!»

Наступила мёртвая тишина. Эйнштейн смотрел на неё с неподдельным изумлением. Милева нахмурилась.

«Я... это докажу? – медленно проговорил он. – Но... как? Если эфира нет, то относительно чего тогда движется свет? Это же абсурд!»

Сиф поняла, что переборщила. Она беспомощно посмотрела на Монетку. Тот, спасая ситуацию, с громким карканьем спикировал и уронил со стола катушку с нитками. «Вот! – прокаркал он. – Смотрите! Катушка! Если её катать... э-э-э... нитка разматывается! Вот и у вас также! Двигаетесь вы относительно... относительно нитки! То есть, света!»

Эйнштейн уставился на катушку, словно видел её впервые. Его глаза загорелись. «Относительно... света? – прошептал он. – Постоянная скорость света... во всех системах отсчёта... Тогда преобразования Лоренца...»

Он снова схватился за карандаш, но на этот раз его остановила Милева. «Альберт, остановись. Ты не можешь строить теорию на словах... механической птицы. Это безрассудно».

«Но, Милева, это же гениально! – воскликнул он. – Это просто! Не нужен этот сложный, абсолютно неуловимый эфир! Всё относительно! Пространство и время сами меняются!»

В этот момент Ужастик, всё это время молча наблюдавший за спором, не выдержал. Ему надоело быть всего лишь испуганным хвостом команды. Желая внести свой вклад и показать, что он не просто шапка с помпоном, он решил действовать.

На столе лежала коробка с резисторами и проводами, которые Эйнштейн принёс с работы для какого-то своего эксперимента. Ужастик, извиваясь, подполз к ней. Его план был прост и гениален: он собирался с помощью проводов и своей собственной электропроводности смоделировать... он и сам не знал что, но что-то очень умное и наглядное.

Он сунул голову в коробку, намотал на себя несколько проводов и, гордо подняв голову, радостно зашипел: «Смотрите! Я – система отсчёта!»

И в этот момент его голова с размаху ударилась о включённую настольную лампу. Раздался треск, вспышка ослепительного света, и комната погрузилась во мрак. Но на этот раз не из-за мистических сил, а из-за банального короткого замыкания.

В темноте раздался возглас Эйнштейна: «Так! Мгновенная вспышка! Если бы эфир существовал, его можно было бы обнаружить по разной скорости света в разных направлениях движения Земли! Но опыты Майкельсона-Морли... они же показали... они же ничего не показали! Никакой разницы! Эфира нет! Он не нужен!»

Он засмеялся, и его смех был полон торжества и освобождения. Короткое замыкание, устроенное Ужастиком, и его нелепый крик «Я – система отсчёта!» стали той самой искрой, которая зажгла пламя.

Сиф, ничего не понявшая, но чувствуя, что случилось что-то важное, похлопала ужа по «спине». «Молодец, Ужастик! Грозный змей! Всех победил!»

Ужастик, ещё дымясь от удара током, с гордым видом сбросил с себя провода. «Ну... вообще-то я так и планировал», – прошипел он, хотя до сих пор не понимал, что именно он сделал.

Моня, сидя на шкафу, философски заметил: «Вот так всегда. Один видит нить, другой – катушку, а гению достаточно короткого замыкания, чтобы перевернуть мир. Жаль, монетку мою никто не нашёл».

А Эйнштейн уже стоял у окна, смотря на зажигающиеся на улице фонари, и бормотал себе под нос слова, которые изменяют всё: «...принцип относительности... постоянство скорости света... никакого эфира... да... это будет удивительно... особая теория»

Призраки эфира были побеждены. Не сложными вычислениями, а простотой мыслью, случайной искрой и, конечно, командой СМУФ, которая, сама того не ведая, устроила самую важную демонстрацию в истории физики.

Глава 6. Хроноблок и хаос

Тишина, наступившая после озарения Эйнштейна, была недолгой. Её нарушил нарастающий, тревожный гул, исходивший из прихожей. Футя вибрировал, как перегретый двигатель, а его хроноблок пылал ослепительным белым светом, слепящим и болезненным.

«Он снова перегревается! – закричала Сиф, бросаясь к скейту. – Надо его остудить! Воды!»

Но было уже поздно. Из хроноблока вырвался не луч, а целый вихрь радужной энергии. Он закрутился в центре комнаты, срывая со стен картины, затягивая в себя чайные чашки, скатерть и самого Монетку, который успел лишь испуганно каркнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.